

Общие замечания о богах в работе Фукидида¹

Штраус Л.

Перевод с английского – Мишурин А.Н., Институт философии РАН

Аннотация: Данной статьей американский политический философ Лео Штраус расширяет свой анализ «Истории» Фукидида, частично представленный в его книге «Город и человек». Статья является своеобразной реакцией на вопросы, заданные Штраусу в аудитории, в частности, Тимоти Бёрнсом относительно теологического аспекта философии Фукидида. Для раскрытия данного аспекта Штраус прибегает к анализу ключевых речей персонажей Фукидида, упоминаний богов и священного («sacred things») как в них, так и в самом тексте «Истории». Ключевая мысль статьи отражается не столько через речи, в которых боги и священное упоминаются, сколько через речи, где этого не происходит. Решающими здесь являются сам отбор речей, намеки Штрауса на то, почему те или иные персонажи, да и сам Фукидид, вообще ссылаются на богов, и сравнение двух теологий: теологии, сформулированной афинскими посланцами на Мелосе, и теологии Никия. Штраус выражает мнение, что теология Фукидида находится где-то между этими двумя полюсами.

Ключевые слова: Лео Штраус, Фукидид, история, теология, политическая философия, боги, священное.

Данные замечания «повторяют», т. е. модифицируют некоторые из тех замечаний, что я сделал в главе «Города и человека», посвященной Фукидиду. Впрочем, не обязательно так уж сильно подчеркивать разницу между первыми и вторыми.

Для Фукидида война между пелопоннессцами и афинянами была, как он того и ожидал с самого ее начала, так сказать, самым достойным внимания движением – величайшим движением всех времен, затронувшим всех людей. Он доказывает это полемическое утверждение двумя способами. Первый и куда более детальный² доказывает его, раскрывая слабость древних, а вместе с тем силу — превосходящую силу современных людей, и особенно греков. Исключая кажущуюся случайной отсылку к Аполлону Делосскому³, первое доказательство не упоминает о богах. Кажется, это связано с тем, что наиболее известные повествователи о древности — это поэты, а поэты, как правило, приукрашивают описываемое ими с помощью преувеличений⁴: проследивать произошедшие события к богам — значит именно приукрашать их, преувеличивая. Второе доказательство сосредотачивается на силе страданий, принесенных Пелопоннесской войной, в сравнении особенно с войной Персидской⁵. Фукидид по умолчанию отличает страдания, которые люди причиняют друг другу, от

---

¹ Перевод по: Strauss L. Preliminary Observations on the Gods In Thucydides' Work // Interpretation, No. 4 (1), 1974. Pp. 1–16.

² Фукидид. История. I, 1–19.

³ Там же. I, 13, 6.

⁴ Там же. I, 10, 3.

⁵ Там же. I, 23, 1–3.

страданий, причиняемых землетрясениями, затмениями солнца, засухой, голодом и, что не менее важно, чумой. Следуя совету, данному афинянам Фукидидовым Периклом, мы можем назвать второй вид событий или страданий «демоническим»⁶, оставив открытым вопрос о том, всегда ли в его труде это слово означает события, порожденные чем-то нечеловеческим или сверхчеловеческим (например, знаменья), или же его лучше понимать как синоним «естественного».

Давайте теперь посмотрим на речи Перикла или, шире, давайте обдумаем возможную разницу между Фукидидовым повествованием о делах, с одной стороны, и речами его персонажей, касающимися нашей темы, — с другой. В первой книге в своем повествовании он упоминает Дельфийского бога, оракулы, храмы и тому подобное, не поясняя, почитает или принимает ли он их так же, как, скажем, и все остальные люди. С другой стороны, первая пара речей — речи керкирян и коринфян в Афинах⁷ — не содержит отсылок к богам или священному. (То же верно и для короткого обмена репликами между послами коринфян и афинянами⁸.) В случае четырех речей, произнесенных в Спарте коринфянами, спартанским царем Архидамом и эфором Сфенелаидом⁹, ситуация несколько более сложная и более показательная. Коринфяне, обвинители афинян *par excellence*, более подчеркнуто, чем остальные выступающие, обращаются к богам, которые следят за исполнением клятв. Единственным оратором, который не обращается к богам вовсе, является Архидам, он же единственный человек в данном отрывке, которого Фукидид явно, пусть и ограниченно, превозносит. На следующем собрании пелопоннессцев, которое также происходит в Спарте, произносится только одна речь. В ней коринфяне ссылаются на оракул Аполлона¹⁰. Затем следует рассказ о последних обменах мнениями, которые в основном представляют собой взаимные обвинения относительно совершенных обеими сторонами нечестий в отношении богов. Фукидид воздерживается от высказывания своих мыслей по поводу этих обвинений. Он лишь замечает, что спартанцы считают, будто результатом совершенного ими нечестия является сильное землетрясение, случившееся в Спарте¹¹. Повествование Фукидида о судьбе спартанского и афинского вождей времен Персидской войны — царя Павсания и Фемистокла — содержит буквальные цитаты из их писем персидскому царю, т. е. нечто похожее на речи персонажей Фукидида. Эти цитаты не содержат отсылок к богам. С другой стороны, Дельфийский бог сказал свое весомое слово относительно того, какими должны быть подобающие похороны спартанского царя, пусть тот и был предателем¹².

Теперь мы готовы к рассмотрению следующих речей — речей Перикла. Всего их три¹³. Перикл, так же, как и Архидам, вовсе не упоминает богов. Лишь раз в «Похоронной речи»¹⁴ он говорит о жертвоприношениях. Архидам какое-то время остается непреклонен. Перед первым вторжением в Аттику он обращается с речью к командующим

⁶ Там же. II, 64, 2.

⁷ Там же. I, 32–43.

⁸ Там же. I, 53, 2–9.

⁹ Там же. I, 68–86.

¹⁰ Там же. I, 123, 1.

¹¹ Там же. I, 128, 1.

¹² Там же. I, 134, 4.

¹³ Там же. I, 140–144; II, 35–46 и 60–64.

¹⁴ Там же. II, 38, 1.

пелопоннесскими войсками, ни разу не сославшись на богов¹⁵. Однако в речи Перикла, обращенной к афинскому народному собранию, которую Фукидид передает, не цитируя, он заставляет этого выдающегося вождя говорить о «богине», подразумевая при этом самую дорогую статую Афины, ибо речь эта в деталях расписывает финансовые ресурсы города¹⁶. С другой стороны, Фукидиду есть что сказать о богах и священном в повествовании о чуме, которое следует сразу за «Похоронной речью» Перикла, не говоря уже о повествовании касательно ранней истории Афин¹⁷.

Первый обмен речами после последней речи Перикла касается конфликта между спартанцами и платейнами, являвшимися союзниками афинян. Этот обмен речами основан на торжественной клятве, все еще связывающей две (или три) стороны данного конфликта. Особенно стоит отметить, что спартанский царь Архидам начинает свой последний ответ платейнам, призывая богов и героев, владеющих платейской землей, быть свидетелями справедливости дела пелопоннессцев¹⁸ — справедливости, которую читатель скорее сочтет сомнительной: морально-политическая ситуация серьезно изменилась со времен первых дебатов в Спарте.

Из повествования Фукидида мы узнаем, что после победоносной морской битвы с пелопоннессцами афиняне посвятили захваченный вражеский корабль Посейдону¹⁹. В последовавшей за поражением речи пелопоннесских военно-морских командующих своим подчиненным, ожидаемо впавшим в уныние из-за поражения, вызванного нехваткой обучения или опыта в морском деле, нет упоминаний о богах²⁰. И все же афинские солдаты также испытывали страх: пелопоннесских кораблей было куда больше, чем афинских. Афинский командующий Формион вернул им былое мужество речью, в которой тоже нет ни слова о богах²¹. Во второй морской битве пелопоннессцы сражались лучше, чем в первой, но результат остался прежним — полная победа афинян: опыт и навыки снова оказались решающими. Ближе к концу второй книги Фукидид, не ручаясь за ее правдивость, рассказывает историю о матереубийце Алкмеоне, который благодаря оракулу Аполлона нашел себе убежище на земле, еще не существовавшей в момент совершения им преступления²².

Следующая речь — та, в которой митиленские послы обращаются к собранию пелопоннессцев и нейтралов в Олимпии, дабы добиться помощи в их выходе из числа афинских союзников. Митиленяне вынуждены показать, что это их сознательное действие не является несправедливым или неблагородным²³. Ближе к концу своей речи они просят потенциальных союзников устыдиться перед уважением, которое оказывается им надеждами греков и Зевсом Олимпийским, в храм которого они явились, словно молящие. Как показывает Фукидид своим повествованием, просьба митиленян и, в частности, их сделанный в последнее мгновение призыв к Зевсу Олимпийскому остается без внимания. Фукидид не передает ответной речи. Ответом становится дело или, в каком-то смысле, две

¹⁵ Там же. II, 11.

¹⁶ Там же. II, 13, 5.

¹⁷ Там же. II, 15, 2–6.

¹⁸ Там же. II, 79, 2.

¹⁹ Там же. II, 84, 4.

²⁰ Там же. II, 87.

²¹ Там же. II, 88–89.

²² Там же. II, 102, 5–6.

²³ Там же. III, 9–14.

речи, произнесенные в афинском собрании после завоевания афинянами Митилены. Еще до ее покорения пелопоннесский командующий Тевтиапл-элейец обращается к своим войскам с короткой речью, которая, согласно Гомме²⁴, одна только начинается со слова *tade* вместо обычного *toiade*²⁵. (Можно добавить, что после цитирования этой короткой речи Фукидид замечает, что Тевтиапл сказал *tosauta* — выражение, которым он часто пользуется.) Сратник Тевтиапла — спартанский командующий Алкид — очевидно, дурак, отверг его совет и тем самым внес свою лепту в провал предприятия пелопоннесцев. На афинском собрании, созванном после завоевания Митилены, Клеон пылко противостоит пересмотру решения о казни всех совершеннолетних мужчин этого города — решения, произведенного несколькими днями ранее: митиленяне виновны в непростительной несправедливости, и поступать с ними нужно соответственно. Клеон не упоминает богов: у него нет вообще никаких причин упоминать их²⁶. В защиту мягкости или, скорее, разборчивости выступил Диодот, уже выражавший такую позицию в прошлое народное собрание²⁷. Возможно, его речь является самой загадочной из всех речей в данном труде. Диодот также совершенно не упоминает о богах. Однако, пожалуй, не будет излишним заметить, что он говорит о слабости волнуемой страстями «натуры человека» в сравнении с «силою законов или какой-нибудь иною мерою утращения»²⁸. Отчасти из-за вмешательства Диодота большинству митиленян удалось едва-едва избежать смерти.

Если смотреть на нее в общем контексте, судьба Митилены, как и речи, сопровождающие ее свершение, отражает судьбу Платей в руках пелопоннесцев — также освещенную Фукидидом с помощью обмена речами. Платеяне, в конце концов, были вынуждены сдать свой истощенный голодом город спартанцам, принимающим капитуляцию с условием, которое, по крайней мере мне, не кажется честным. Платеяне, конечно же, знают, что спартанцы уступят требованиям фиванцев — их заклятых врагов, но мужественно пытаются напомнить спартанцам о том, что те должны сделать как добрые люди. Естественно, они апеллируют к богам, которые во время Персидских войн осылали антиперсидский союз, в действиях которого отличились и сами платейяне. Они напоминают спартанцам о возложенном на них священном долге, основанном на их обязанности уважать чтимые платейянами могилы спартанских отцов, павших в Персидских войнах и похороненных на платейской земле. Они зывают к богам, которым поклоняются все греки, дабы убедить спартанцев не уступать требованиям фиванцев²⁹. Жесткий, полный ненависти ответ фиванцев должен показать, что платейяне всегда были несправедливыми³⁰, а потому фиванцы совершенно не вспоминают о богах³¹. Они подразумевают, что благочестивые мольбы платейян не заслуживают ответа.

Рассказ о судьбе Митилены и судьбе Платей достаточно подготавливает нас к Фукидидову описанию восстания демоса в Керкире и о братоубийственной войне между

²⁴ Gomme A. A historical commentary on Thucydides in 4 Vol. Vol. 1. Oxford, Oxford University Press, 1945. 492 p.

²⁵ Фукидид. История. III, 29–30.

²⁶ Там же. III, 37–40.

²⁷ Там же. III, 42–48.

²⁸ Там же. III, 45, 7; ср. 84, 2.

²⁹ Там же. III, 53, 5–9.

³⁰ Там же. III, 61–67.

³¹ Там же. IV, 67, 1.

влиятельными гражданами и демосом в городах. Жестокая ненависть, занявшая место дружбы к ближайшим людям, привела к полному неуважению святости убежищ в храмах и дальнейшему пренебрежению «божественным законом»: доказательством верности вместо следования божественному закону стало соучастие в преступлениях. Фукидид не объясняет, в чем именно состоит основание божественного закона, не объясняет он и то, каковы конкретные его запреты (или требования), но он не оставляет сомнений в том, что участники с обеих сторон утратили всякое благочестие³².

Когда Фукидид, подгоняемый или извиняемый последовательностью событий, начинает говорить о первой афинской экспедиции на Сицилию, сначала он говорит о проявлениях демонического, одно из них — маленький вулкан, расположенный близ Сицилии. Местное население приписывает его извержения самому Гефесту³³. Сразу после этого описания он дольше, чем ранее, говорит о землетрясениях, на этот раз высказывая свое собственное мнение относительно связанного с ними события. Его собственное мнение не содержит отсылок к богам³⁴. С другой стороны, спартанцы спрашивают Дельфийского бога относительно основания нового города. Бог одобряет их план, внося в него изменения. Хотя указанные изменения одобрены самим богом, основание города оказывается неудачным, не в последнюю очередь из-за непригодности спартанского руководства³⁵. Вскоре после этого Фукидид не упускает возможности упомянуть о насильственной смерти Гесиода в святилище Зевса Немейского: тот получил в Немее оракул, что там и погибнет, однако Фукидид не ручается за правдивость всей этой истории³⁶. Фукидид ввел бы нас в серьезное заблуждение относительно Афин, а следовательно, и всей Пелопоннесской войны, если бы, вскоре после рассказа о том, как афиняне очистили остров Аполлона — Делос, не указал на то, что сделали они это «согласно изречению оракула». Правда об оригинальной форме делосского праздника подтверждается не кем иным, как самим Гомером³⁷.

Конец первой части войны решающим образом определен афинской победой, достигнутой в основном благодаря действиям Демосфена на Пилосе (или Сфактерии) и победоносному маршу Брасида к Фракии. Ближе к началу этого отрывка Демосфен обращается к подчиненным ему гоплитам. В тяжелой, если не сказать отчаянной, ситуации он призывает их к надежде, а не к расчету имеющихся шансов. Богов он не упоминает³⁸. Его тактика оказывается крайне успешной. Спартанцы теперь хотят перемирия и даже мира, дабы вернуть спартиатов, отрезанных афинянами, и отправляют послов в Афины. В своей речи, обращенной к афинскому собранию, послы эти заходят так далеко, что готовы оставить открытым вопрос о том, кто первый — афиняне или спартанцы — начал войну, т. е. нарушил мирный договор³⁹. Естественно, они не упоминают никакого бога: Аполлон пообещал явиться им на помощь, вне зависимости от того, призовут они его или нет⁴⁰. В основном благодаря Клеону афиняне одерживают

³² Там же. III, 82, 6–7.

³³ Там же. III, 87–88.

³⁴ Там же. III, 89.

³⁵ Там же. III, 92, 5–93.

³⁶ Там же. III, 96, 1.

³⁷ Там же. III, 104.

³⁸ Там же. IV, 9–10.

³⁹ Там же. IV, 17–20.

⁴⁰ Там же. I, 118, 3; II, 54, 4.

блестящую победу. Никто ничего не говорит о том, просили ли или получили ли спартанцы разрешение оракула относительно отправки посольства в Афины.

Перед тем как перейти к экспедиции Брасида, Фукидид говорит о трех деяниях, которые особенно примечательны с точки зрения нашей теперешней цели. Первое — это общесицилийский собор в Геле, который кульминируется цитируемой Фукидидом речью Гермократа⁴¹. Тот предупреждает своих сицилийских земляков об опасности, идущей от афинян: они намерены вторгнуться на Сицилию не для того, чтобы помочь своим ионийским соплеменникам в их борьбе против дорийцев, а для того, чтобы овладеть богатством всей Сицилии. Он не винит афинян за это желание, которое в целом присуще человеческой природе. В его речи нет ни слова о богах, тем самым он молча предвосхищает один из аргументов афинян на Мелосе. Вторым деянием является успех Брасида в переманивании союзников афинян — аканфян на сторону Спарты с помощью искусной речи⁴². Он преподносит спартанцев как освободителей всех греков от служения Афинам и полностью успокаивает аканфян относительно возможности спартанского злоупотребления своей победой, говоря им, что от спартанских правителей он получил торжественные клятвы этого не делать: разве можно ожидать более убедительных доказательств честных намерений спартанцев? Вдобавок он опровергает возможный контраргумент аканфян, согласно которому спартанцы не имеют права освобождать их от афинского господства силой, взывая к богам и героям аканфянской земли: принудить аканфян быть свободными и внести свой вклад в освобождение всей Греции, применив к ним ради этого силу, не было бы несправедливостью. Третье деяние — это афинская оккупация и укрепление Делия — храма Аполлона на границе Беотии и Аттики. Беотийский вождь Пагонд произносит перед своими войсками речь, в которой говорит, что тот бог, чей храм незаконно захватили афиняне, выступит на стороне беотян и что жертвы, ими принесенные, оказались благоприятными⁴³. В своей речи, обращенной к войскам, афинский командующий Гиппократ ни слова не говорит о богах или священном⁴⁴: другого мы и не ожидали. Последовавшая за этим битва, конечно же, оканчивается страшнейшим поражением афинян. Их нечестивые деяния, состоявшие в укреплении и проживании в святилище, позволили беотянам, как им самим кажется, потребовать от афинян оставить храм, перед тем как позволить им забрать своих павших. В последовавшем за этим обсуждении афиняне утверждают, что их якобы нечестивые деяния были бы прощены самим богом, ибо они были невольными⁴⁵.

Когда Брасид приходит в Торону, он организывает там собрание горожан, которым говорит примерно то же самое, что и аканфянам⁴⁶, но эта его речь торонянам Фукидидом не цитируется, а только пересказывается. Фукидиду более не нужно доказывать наличие ораторского дара Брасида. К тому же действия Брасида в Аканфе положили начало доверию к нему со стороны колеблющихся афинских союзников. Наконец, мы не можем исключать и той возможности, что спартанские власти не сильно

⁴¹ Там же. IV, 58–64.

⁴² Там же. IV, 85–87.

⁴³ Там же. IV, 92.

⁴⁴ Там же. IV, 95.

⁴⁵ Там же. IV, 98, 6.

⁴⁶ Там же. IV, 114, 3–5.

одобряли клятвы, которые от их имени раздавал Брасид⁴⁷. В пересказе его речи торонянам, естественно, нет никаких упоминаний о богах. Давайте вспомним о двух уже встречавшихся нам параллелях. В отрывке I, 72–78, Фукидид сначала передает, а затем цитирует речь афинян, обращенную к спартамцам: он не упоминает богов в пересказе, но они появляются при цитировании. В результате из четырех речей, касающихся обсуждаемого вопроса, только речь Архидама не содержит упоминаний о богах. В отрывке II, 88–89, Фукидид сначала передает, а затем цитирует речь Формиона, обращенную к афинским войскам. Формион, в противопоставление пелопоннесским командующим, не усиливает свою речь угрозами наказания⁴⁸.

В результате успехов Брасида спартамцы и афиняне заключают перемирие. Первый пункт договора о перемирии касается святыни и оракула Аполлона Пифийского⁴⁹. Тот же порядок можно найти и в торжественной клятве, приносимой по заключении так называемого Никиевого мира⁵⁰.

Пятая книга открывается рассказом Фукидида об исправлении афинянами той небрежности, которую они совершили при очищении Делоса. Вскоре за этим следует битва при Амфиполе, в которой столкнулись Брасид, командующий пелопоннессцами и их союзниками, и Клеон, командующий афинянами. Битва оканчивается страшным поражением афинян. Оба вождя убиты. Перед битвой Брасид обращает свою речь, цитируемую Фукидидом, к войскам, не ссылаясь в ней на богов или священное⁵¹. С другой стороны, он же приносит жертву Афине⁵². Мы замечаем, что Фукидид не приводит, и уж тем более не цитирует, речи Клеона. Клеон слишком занят «осматриванием», наблюдением за действиями армии Брасида, дабы произносить речи⁵³: странная перемена ролей между спартамцем и тогдашним главным афинским демагогом является своего рода комическим эквивалентом сражения при Пилосе. После гибели Брасида граждане Амфиполя чтят его как героя. Смерть обоих командующих увеличила влияние тех вождей афинян и спартамцев, которые выступают за мир. Дабы добиться стремления к миру в Спарте, было важно заручиться поддержкой дельфийской пифии. Что не обязательно противоречит данному в начале войны обещанию Аполлона о том, что он, вне зависимости от их желания, придет на помощь спартамцам, ибо единственное предсказание о войне, оказывающееся истинным, касается ее длительности в 27 лет⁵⁴: бог не обещал, что победу в «первой войне» одержат спартамцы. Не говоря уже о том, что перемирие или мир в тот момент Спарте были только на пользу.

Между последней речью Брасида⁵⁵ и диалогом на Мелосе в конце пятой книги⁵⁶ нет цитируемых речей, лишь несколько пересказанных или отсылок к речам. Но в этом полумраке можно найти упоминания о богах и божественном, за которые можно счесть

⁴⁷ Там же. IV, 108, 7; ср. 132, 3.

⁴⁸ Там же. II, 87, 9.

⁴⁹ Там же. IV, 118, 1–3.

⁵⁰ Там же. V, 17, 2–18, 2.

⁵¹ Там же. Ср. V, 10, 5.

⁵² Там же. Ср. V, 10, 2.

⁵³ Там же. V, 7, 3–4; 9, 3; 10, 2.

⁵⁴ Там же. V, 26, 3.

⁵⁵ Там же. V, 9.

⁵⁶ Там же. V, 84 и далее.

землетрясения⁵⁷ и неблагоприятные жертвы, ставшие причинами отмены военных предприятий спартанцев⁵⁸. Афиняне, конечно же, также подчинялись оракулу Дельфийского бога⁵⁹. Но в первую очередь Фукидид проясняет, что спартанская игра на флейтах перед битвой происходила «не в силу религиозного обычая»⁶⁰.

Несложно заметить, что отсылки к «божескому закону» в Фукидидовом повествовании о гражданских войнах⁶¹ и отсылки к богам в диалоге между мелосцами и афинянами являются самыми важными или самыми откровенными высказываниями относительно богов за весь труд. Там более важно осознать, что теология Мелосского диалога в определенном смысле имеет второстепенное значение. Данная тема поднимается афинянами как бы мимоходом. Дабы показать афинянам, что им есть на что надеяться вопреки всему, мелосцы напоминают им о той роли, которую играет в войне случай: они верят, что в отношении случая «божество» (*to theion*) не обделит их, учитывая правоту мелосцев, — не говоря уже о том, что спартанцы из чистого стыда должны прийти им на помощь. Афиняне отвечают, что они — афиняне — могут рассчитывать на помощь «божества», ибо они действуют в рамках того, что люди полагают или верят касательно «божества», ибо афиняне (или все разумные люди) верят касательно «божества» в то же, во что и большинство, а что до человеческого, то они точно знают, что сильный правит слабым по природе, а значит, неизменно, по необходимости. Вслед за этим мелосцы оставляют данную тему и начинают говорить только о своих явных или человеческих надеждах, т. е. о надежде, исходящей из их связи со Спартой. Мы замечаем, что в Мелосском диалоге «боги» не упоминаются, упоминается лишь «божество», которое куда шире и обобщеннее, нежели «боги». О «божественном законе» как отличном от «божества» Фукидид говорит от своего имени. Но, как и в случае божества, в случае божественного закона он ничего не говорит о точном значении этих выражений. Он явно не одобряет нарушений божественного закона, но в то же время воздерживается от высказывания суждений относительно теологии афинян, представленной их послами на Мелосе.

Книги шесть и семь, содержащие повествование о сицилийской экспедиции, связаны с Мелосским диалогом так же, как повествование о чуме связано с Похоронной речью Перикла. В своей археологии Сицилии Фукидид указывает на ненадежный характер сведений о киклопах и всем прочем⁶². Первым большим событием, относящимся к сицилийской экспедиции, является обмен цитируемых Фукидидом речей Никия и Алкивиада на афинском собрании. Никий произносит две речи, а Алкивиад — одну. В том, что кажется — особенно ретроспективно — переменной ролей, Никий отговаривает афинян рисковать имеющимся ради неясного и далекого будущего⁶³, точно так же, как афиняне отговаривали мелосцев. Но между мелосцами и афинянами существует следующая разница: мелосцы не были подвержены любви к далекому будущему, по

⁵⁷ Там же. V, 45, 4; 50, 5.

⁵⁸ Там же. V, 54, 2; 55, 3; 116, 1.

⁵⁹ Там же. V, 32, 1.

⁶⁰ Там же. V, 70.

⁶¹ Там же. III, 82, 6; ср. II, 53, 4.

⁶² Там же. VI, 2, 1–2.

⁶³ Там же. VI, 9, 3.

крайней мере, не так, как афиняне⁶⁴. Но Никий не столь ловок, как Алкивиад. В дебатах он проигрывает, причем поражение это походит на его же (или его товарищей) поражение от Клеона в дебатах относительно Пилоса. Ни Никий, ни Алкивиад не упоминают богов, но Алкивиад ссылается на клятву, которая обязывает афинян прийти на помощь своим сицилийским союзникам⁶⁵. Последнее слово Никия касается того, что судьба экспедиции будет зависеть от случая, которым люди управлять не могут, а не от планирования⁶⁶. Пока, по предложению разумного и до сих пор всегда удачливого Никия, идет подготовка к экспедиции, неизвестные уродуют гермы, стоящие как перед частными домами, так и перед храмами. Это и другие проявления нечестия считаются плохим предзнаменованием для экспедиции и даже для существующего демократического режима. На Алкивиада и нескольких других человек падает серьезное подозрение. Несмотря на это, его вместе с Никием оставляют командующим экспедицией. Афиняне питают величайшую надежду на будущее в сравнении с тем, что они уже имеют⁶⁷. И эта надежда не то чтобы не была связана с благочестием. Когда все уже было готово для начала предприятия, были произнесены подобающие молитвы и совершены возлияния⁶⁸. Боги столь же редко упоминаются в дебатах сиракузского народного собрания, как и в дебатах собрания афинского. Сложно сказать, является ли это молчание одним из отголосков неразгаданной загадки уродования герм и тому подобных нечестивых деяний.

Серьезное разочарование, которое афиняне, за исключением Никия⁶⁹, испытали по прибытии на Сицилию, оказывается незаметным на фоне отзыва в Афины Алкивиада, которого теперь судят по обвинению в нечестии. Данное действие афинского демоса против Алкивиада позволяет Фукидиду или заставляет его рассказать подлинную историю о предполагаемом тираноборчестве Гармодия и Аристокитона. Тут, в частности, мы подмечаем две вещи: тирания Писистрата и его семьи в целом была мягкой, законопослушной и, в особенности, благочестивой. Гиппий, который на самом деле стал тираном после смерти своего отца Писистрата, выжил, и через несколько лет после своего изгнания из Афин спартанцами и некоторыми афинскими гражданами нашел убежище у персидского царя и сражался на стороне персов при Марафоне⁷⁰, тем самым предзнаменуя, в некотором смысле, судьбу Фемистокла.

В первом сражении Никий побеждает сиракузян, предварительно вдохновив войска напоминанием об их военном превосходстве над врагом: вражеская армия уступает армии Никия по части знаний⁷¹. Ему нет смысла обращаться к богам, и потому он к ним не обращается. Это отлично сочетается с тем фактом, что предсказатели обеих армий до начала битвы совершили подобающие жертвоприношения⁷². Битва сопровождалась грозой и проливным дождем — явлениями, вселявшими страх в тех, кто никогда ранее не сражался, в то время как более опытные воины рассматривали их просто как проявления

⁶⁴ Там же. VI, 13; ср. 24, 3.

⁶⁵ Там же. VI, 18, 1; ср. 19, 1.

⁶⁶ Там же. VI, 23, 3.

⁶⁷ Там же. VI, 31, 6.

⁶⁸ Там же. VI, 32, 1–2.

⁶⁹ Там же. VI, 46, 2.

⁷⁰ Там же. VI, 54, 5–6; 59, 4.

⁷¹ Там же. VI, 68, 2; 69, 1.

⁷² Там же. VI, 69, 2.

соответствующего времени года⁷³: опыт умалает пугающий эффект демонического. Всякая обескураженность сиракузян своим поражением исчезает вместе с речью Гермократа на народном собрании, которую передает Фукидид и которая не обременена ни одной явной отсылкой к богам⁷⁴. Гермократ также выступает от имени Сиракуз на собрании в Камарине, где обе враждующие стороны пытаются перетянуть к себе тех сицилийцев, которые до сих пор оставались нейтральными. Афинский оратор носит характерное имя — Евфем. Обе речи цитируются Фукидидом, и в обеих нет ни слова о богах. На собрании антиафинской коалиции городов в Спарте Алкивиаду удается убедить спартанцев в обоснованности масштабной антиафинской политики и стратегии и в то же время в абсолютной правильности совершенной им измены родине. Речь Алкивиада также цитируется, и в ней также отсутствуют упоминания о богах. Причина ее цитирования и причина отсутствия в ней упоминаний о богах одна и та же. Пока спартанская и коринфская помощь направляется в Сиракузы, положение афинян на Сицилии кажется довольно благоприятным: Никий обнадежен. Однако единственная неудача, постигшая спартанцев, заключалась в том, что они были вынуждены прервать свой поход против Аргоса из-за землетрясения⁷⁵. Мне кажется, что шестая книга, наполненная цитируемыми речами, также изобилует речами пересказанными.

Книга седьмая, можно сказать, вводит перипетию: инициатива в борьбе за Сиракузы переходит от афинского представителя калокагатии Никия с его полуспартанским складом ума к куда более смелым военачальникам — Гилиппу-спартанцу и Гермократу-сиракузянину⁷⁶. Положение афинян на Сицилии становится тяжелым. Никий вынужден послать письмо в Афины с безотлагательной просьбой о дополнительном подкреплении и снабжении. Не говоря уже о том, что письмо это сопровождалось устным выступлением, оно само по себе обладает статусом цитируемой речи⁷⁷ куда больше, нежели выдержки из писем Павсания и Фемистокла персидскому царю⁷⁸. Никий без колебаний сообщает афинянам о том, что он думает относительно их «характера»⁷⁹. Перемена судьбы, произошедшая на Сицилии, напоминает ту, что произошла на Пилосе: Афины перестали быть главной морской державой, а морская мощь антиафинской коалиции выросла⁸⁰. Боги и священное не упоминаются — по крайней мере, не явно. Ибо величайший рост спартанской мощи был, помимо прочего, вызван тем, что в этот раз афиняне нарушили мирный договор, в то время как первую войну, скорее, развязали сами спартанцы. Потому-то они и считали, что их неудачи в первой войне, такие как поражение на Пилосе, были заслуженными или резонными⁸¹. Они верили, что удача или неудача на войне зависит от справедливости или несправедливости борющихся сторон, т. е. от правления богов, озабоченных справедливостью. Фукидид приписывает эту мысль спартанцам, но она не случайно следует практически сразу за цитированием письма Никия. Никий и сам думает так же.

⁷³ Там же. VI, 70, 1.

⁷⁴ Там же. VI, 72.

⁷⁵ Там же. VI, 95, 1.

⁷⁶ Ср., к примеру, VII, 3, 3 и 8, 3.

⁷⁷ Там же. VII, 8, 1–2, 10–15.

⁷⁸ Там же. I, 129, 3; 137, 4.

⁷⁹ Там же. VII, 14, 2 и 4.

⁸⁰ Там же. VII, 11, 2–4; 12, 3.

⁸¹ Там же. Ср. VII, 18, 2.

Предприятия, настойчиво рекомендуемые Алкивиадом, начинают серьезно вредить афинянам, хотя пока что вред, причиненный Афинам, теряется на фоне того, что в маленьком городе Микалессе совершили фракийские наемники, состоявшие на службе у Афин и отправленные из-за финансовых проблем домой. После этого, улучшив свою военно-морскую тактику, сиракузяне неоспоримо одолевают афинян в морской битве. Это поворотная точка войны⁸². Однако на тот момент кажется, что положение афинян сильно улучшилось благодаря прибытию второго афинского экспедиционного войска под командованием Демосфена. Смелая попытка Демосфена либо с ходу победно завершить афинское предприятие, либо с ходу же начать готовиться к возвращению домой, оказывается испорчена в первую очередь вражеским сопротивлением. Во-вторых, как среди командующих, так и в самой армии наблюдается разлад: кажется, что никаких надежд больше нет. Демосфен выступил за немедленное возвращение в Афины. При последующих переговорах Никий не может проявить такую же откровенность, ибо он уже вел секретные переговоры с влиятельными и богатыми сиракузянами, которые не меньше его самого желали скорого окончания этой чрезвычайно дорогостоящей войны. У него еще есть какая-то надежда. Поэтому он проголосовал против предложения Демосфена. Причина, обосновывающая такой выбор, состояла в его мнении о характере афинян: те же самые солдаты, что ныне ратуют за немедленное возвращение в Афины, после этого возвращения, снова попав под влияние демагогов, скажут, что афинские командующие были подкуплены врагом: а он не хотел бы несправедливо пасть от рук афинян и, скорее, предпочел бы пасть от рук врагов «частным образом», т. е. не несправедливо. Он не принимает в расчет тот факт, что его несправедливая гибель помогла бы спасти все афинское войско. Обмен репликами между Демосфеном и Никием⁸³ является самым ярким примером обмена пересказанными речами из всех представленных Фукидидом. Правда, речь Никия не отражает его мысль до конца, ведь, как поясняет Фукидид, его надежда не дает ему быть полностью откровенным. Он продолжает цепляться за свою точку зрения, ибо его удерживает надежда, основанная на связях с сиракузянами, а не страх перед возмездием со стороны афинян, и его точка зрения побеждает. Отсрочка афинского отплытия домой целиком лежит на нем. Но к тому моменту, как подготовка к отплытию полностью завершилась, произошло лунное затмение. А потому большинство афинян, и не в последнюю очередь сам Никий, который чересчур полагался на гадания и прочие оракулы, потребовало продления отсрочки отплытия: Никий решил, что, согласно толкованию, данному прорицателями, нельзя даже думать о дате отплытия, пока трижды не пройдет по девять дней⁸⁴.

Тем временем сиракузяне одерживают блестящую морскую победу и тем самым почти полностью перекрывают афинянам выход из сиракузской гавани. Это обескуражило афинян и заставило их еще больше жалеть обо всей экспедиции. Перед тем как предпринять последнюю отчаянную попытку прорвать сиракузскую блокаду, Никий созывает всех своих солдат и обращается к ним с речью, в которой показывает им, что надежда еще есть, учитывая, сколь велика роль случая, особенно на войне. Речь Никия параллельна речи вражеских командующих перед своими войсками: у них куда больше оснований надеяться на победу, в то время как афинянам остается только положиться на

⁸² Там же. VII, 41.

⁸³ Там же. VII, 47–49, 3.

⁸⁴ Там же. VII, 50, 4.

судьбу⁸⁵. В двух этих цитируемых Фукидидом речах боги и священное не упоминаются, но огромная опасность, в которой находятся афиняне, заставляет Никия обратиться к каждому капитану триремы и напомнить ему, среди прочего, об отеческих богах⁸⁶. Следующая за этим битва, заключающаяся в безуспешной попытке афинян порвать вражескую морскую блокаду, оказалась непревзойденной по уровню насилия. Афиняне, которые не смогли погрузиться на свои корабли, вынуждены были оказаться свидетелями битвы не на жизнь, а на смерть. Их участие в ней ограничилось поощрительными криками той части флота, которую они могли видеть оттуда, где находились: когда они видели, что их товарищи теснят врага, они храбрились и зывали к богам. В противном случае они впадали в уныние и, очевидно, теряли желание зывать к богам⁸⁷. Гибель надежды убивает благочестие⁸⁸. Полное поражение лишает афинян возможности позаботиться о множестве своих убитых согласно обычаю, они даже не просят у победителей выдачи павших⁸⁹: невероятный контраст по сравнению с обстоятельствами, при которых Перикл произнес свою Похоронную речь. Отступление вглубь Сицилии затрудняется, а потом и вовсе становится невозможным из-за хитрости Гермократа, к которой он вынужден был прибегнуть, так как сиракузяне отказались продолжить сражаться ночью: ведь они только что совершили празднество в честь Геракла⁹⁰. Фукидид максимально адекватно описал неопишное событие — несчастную кончину афинской армии и ее командующих.

Незадолго перед самым концом Никий обратился к своим войскам с вдохновляющей речью, которую Фукидид цитирует полностью и которая является последней цитируемой целиком речью во всей работе. Никий, все еще полный надежд, закликает своих солдат надеяться. Он откровенно заявляет, что ему хуже, чем его товарищам командующим, даже несмотря на то, что он выполнял должное по отношению к богам и всегда был справедлив и умерен по отношению к людям. Может, афиняне и вызвали зависть божества своим походом, но они уже понесли за это серьезное наказание. Сейчас они, скорее, заслуживают жалости божества, а не его зависти⁹¹. Теология Никия очевидно отлична, нет, даже противоположна теологии, изложенной афинскими посланцами на Мелосе. Согласно самому Фукидиду, Никий заслуживал лучшей судьбы, чем та, что ему выпала, ибо он более других современников Фукидида посвятил себя воплощению той добродетели, которую восхваляет и которую поддерживает закон⁹², — как отличной от другой, возможно, более высоко стоящей добродетели, — но его теология оказывается опровергнута его судьбой. Практически не нужно говорить, что безнадежное отступление афинян вглубь Сицилии сопровождалось грозами и дождем, которые, будучи сезонными явлениями, интерпретировались афинянами как знаки нового, грядущего несчастья⁹³.

Теология Фукидида — если можно воспользоваться этим словосочетанием — расположена (в аристотелевском смысле) посередине между теологией Никия и теологией афинских послов на Мелосе.

⁸⁵ Там же. VII, 61–68.

⁸⁶ Там же. VII, 69, 1–2.

⁸⁷ Там же. VII, 71, 3.

⁸⁸ Там же. Ср. VII, 75, 7.

⁸⁹ Там же. VII, 72, 2.

⁹⁰ Там же. VII, 73, 2–74.

⁹¹ Там же. VII, 77, 1–4.

⁹² Там же. VII, 86, 5.

⁹³ Там же. VII, 79, 3.

Восьмая — последняя — книга разочаровывает. Значение этой фразы очевидно зависит от характера кульминации, т. е. главным образом от характера шестой и седьмой книг и лишь затем от характера работы в целом. Вполне правдоподобной можно считать версию о том, что своеобразие восьмой книги возникает из-за ее незавершенности, возможно, Фукидид умер, не успев закончить свой труд. Но это не более чем правдоподобная гипотеза. Свообразие восьмой книги следует понимать в свете своеобразия или особенностей всей работы. Самой яркой особенностью всей работы являются речи, цитируемые целиком, и то, как они переплетаются с повествованием о деяниях и пересказанными речами. В восьмой книге нет цитируемых полностью речей. Однако в книге пятой есть большой раздел, обладающий такой же особенностью⁹⁴. Отсутствие цитируемых речей в данном разделе увеличивает силу и воздействие диалога на Мелосе⁹⁵, а также рассказа о сицилийской экспедиции⁹⁶. Разве эта сила, это воздействие не становятся еще больше вследствие отсутствия цитируемых полностью речей в восьмой книге? Пусть этот вопрос также останется не более чем правдоподобной гипотезой. По крайней мере, он оберегает нас от опасности принять правдоподобную гипотезу, одобренную подавляющим большинством, за доказанную истину.

Так как афиняне и их противники сохранили свой менталитет — чрезмерную быстроту и осторожную медлительность соответственно, — несмотря на произошедшее на Сицилии, афинянам удалось создать новую мощную армию и защитить большую часть своей империи. Изначальный гнев от вестей о сицилийской катастрофе они обратили против предсказателей и прорицателей, которые укрепили их надежду на завоевание Сицилии. Но в долгосрочной перспективе поражение заставило их предпочесть бережливость, умеренность и некую форму правления старейших мужчин. Однако можно усомниться в том, помогли ли бы афинянам хоть какие-то усилия, не будь между их противниками трений или разногласий. Благодаря наущениям Алкивиада значимая часть Аттики находилась в оккупации вражеской армии под командованием спартанского царя Агида, а Агид был или стал смертельным врагом Алкивиада. Из-за главенства над спартанской армией власть Агида в самой Спарте возросла, тем самым усилив или вызвав разногласия между ним и другими спартанскими властями⁹⁷. Но афинян спас другой разлад в стане врага, и — как бы невероятно это ни звучало — он же спас и Алкивиада, которого Афины приговорили к смерти. Поражение афинян на Сицилии сделало персидского царя (а вместе с ним и его сатрапа Тиссаферна) и спартанцев реальными или потенциальными наследниками части Афинской империи, расположенной в Малой Азии, и прилегающих к ней островов. Тиссаферн хотел поставить богатство этого региона, которым до этого располагали афиняне, на службу царю. Такое положение, естественно, привело к спартанско-персидскому союзу, к которому активно призывал Алкивиад. Пока война более или менее продолжалась с прежним ожесточением, с помощью афинян на Самосе против олигархов восстал демос, начавший убивать или изгонять их и конфисковать их собственность⁹⁸. Более того, пока шла война, пелопоннесцы поняли, что их договор с Тиссаферном дал им меньше, чем они ожидали получить. Соответственно,

---

⁹⁴ Там же. V, 10–84.

⁹⁵ Там же. V, 85–112.

⁹⁶ Там же. VI–VII.

⁹⁷ Там же. VIII, 5, 3–4; 12, 2; 45, 1.

⁹⁸ Там же. VIII, 21.

между двумя державами был заключен новый союзный договор. Смена спартанского руководства вывела скрытый конфликт между Спартой и Персией наружу. Новые спартанские переговорщики сочли неприемлемым, что два предыдущих договора между Спартой и Персией вернули персидскому царю право на все земли, которыми когда-либо владел он сам и его предки, т. е. в первую очередь на все греческие земли, которые греки освободили из-под власти персов. Это разозлило Тиссаферна, и он более не желал отправлять большие суммы денег на содержание пелопоннесского флота. Именно в этот момент Алкивиад оказался вынужден искать убежища у персидского сатрапа, дабы защититься от большого количества могущественных врагов, нажитых им в Спарте. В споре Тиссаферна со спартанцами он решительно принял сторону сатрапа. Он стал учителем Тиссаферна во всем — особенно в умеренности: Тиссаферн должен был урезать плату пелопоннесским гребцам, ибо высокий заработок соблазнял их на всякого рода дурное поведение и разрушение собственных тел⁹⁹. Алкивиад, известный своим гюбрисом и несдержанностью, стал учителем умеренности и воздержанности: если это и не самая большая перипетия, зафиксированная Фукидидом, то уж точно самая удивительная. То, что заметил античный критик по отношению к рассказу о предприятии Килона¹⁰⁰: и тут лев рассмеялся — по крайней мере, столь же верно и по отношению к указанному временному перерождению Алкивиада.

С политической точки зрения, самое важное предписание, данное Алкивиадом Тиссаферну, было не допустить победы ни пелопоннессцев, ни афинян: Персия легко могла управлять разделенной Грецией. Если же Персии придется выбрать между двумя греческими державами, ей следует предпочесть Афины, представляющие для нее меньшую опасность, нежели пелопоннессцы. Так Алкивиад дал верный совет и в то же самое время приготовил свое возвращение в Афины. Ибо он считал, что афиняне могут обратиться к нему, если сочтут, что Тиссаферн стал его другом. Но такое решение требовало смены режима в Афинах с демократического на олигархический: нельзя было ждать, что персидский царь станет полагаться на демократию. Очень влиятельные афиняне приняли план возвращения Алкивиада и уничтожения демократии. Представители народной оппозиции молчали, надеясь на плату от персидского царя. В связи с заговором Алкивиада, и все же в некотором смысле независимо от него, среди высшего афинского командования на Самосе созрел антидемократический заговор, последствием которого стало то, что вся армия стала ратовать и за отказ от демократии, и за возвращение Алкивиада. Афиняне с Самоса послали в Афины посольство, возглавляемое Писандром. В Афинах существовало серьезное сопротивление возвращению Алкивиада, не в последнюю очередь потому, что он был приговорен к смерти за нечестие. И все же противникам его возвращения не удалось предложить другой план по спасению Афин. Затем Писандр прямо сказал им, что спасению «не бывать», если не сделать правление более олигархическим¹⁰¹. Это его высказывание — примерно в шесть строчек длиной — единственная прямая речь, цитируемая в восьмой книге. Это вовсе не означает, что перед нами самое важное высказывание Фукидидова персонажа, возникающее в последней книге. Но оно ясно подчеркивает, особенно в связи с отсутствием цитируемых речей Алкивиада, самую яркую особенность этой книги: ее

⁹⁹ Там же. VIII, 45, 1–2.

¹⁰⁰ Там же. I, 126, 2 и далее.

¹⁰¹ Там же. VIII, 53, 3.

разочаровывающий характер, что было разъяснено выше. Тут также можно заметить относительную распространенность полностью цитируемых союзных договоров¹⁰² в противоположность полному отсутствию целиком цитируемых речей.

Проолигархически настроенные афиняне, не связанные с Алкивиадом, если не враждебные ему, установили в Афинах и всюду, где смогли, в Афинской империи олигархию. Но союзники или подданные Афин скорее выступали за независимость от них, чем за введение олигархии. Новый афинский режим представлял собой правление 5000 самых богатых и влиятельных граждан. На самом же деле только члены олигархической клики могли участвовать в управлении, и правили они кроваво. По предложению Писандра, реальная власть досталась 400 мужам из 5000. Установление такого режима в Афинах являлось крупным достижением — трудом нескольких наиболее способных и выдающихся афинян. Естественно, олигархи укрепили свою власть молитвами и жертвоприношениями богам¹⁰³. Они изменили многие постановления, созданные при демократии, но не стали возвращать изгнанников, дабы, в особенности, не призывать обратно Алкивиада. Они попытались начать переговоры с Агидом. Они стремились достичь мира со Спартой, а не с Тиссаферном. Но у них ничего не вышло. Вдобавок афинская армия, расположенная на Самосе, сбросила тамошнюю олигархию. Демократические вожди обязали солдат, и особенно тех из них, кто был проолигархически настроен, величайшими клятвами признать демократию и продолжить войну с пелопоннессцами¹⁰⁴. Они выступили за возвращение Алкивиада и его последствие — союз с персидским царем. Данное предложение было одобрено солдатским собранием самосского контингента, в результате чего Алкивиад присоединился к афинянам на Самосе. Он обратился к представителям этого собрания с речью, которую Фукидид пересказывает и которая преувеличивала его положение и представляла реально воплотимым его план¹⁰⁵. Затем он был избран командующим, наряду с теми, кого на эту должность избрали ранее. Теперь он мог угрожать афинянам своим мнимым или реальным влиянием на Тиссаферна, а Тиссаферну — своей властью над афинской армией. Кажется, именно в этой катастрофической ситуации Алкивиад впервые не хуже любого другого человека помог своему отечеству, предотвратив необдуманную попытку афинского контингента на Самосе оставить остров и отплыть напрямик в Пирей. На самом деле в тот момент, кроме него самого, не было никого, кто мог бы сдерживать толпу. Он упразднил правление 400, сохранив или, скорее, восстановив правление 5000. Как раз тогда, когда в Афинах бушевал тяжелейший гражданский конфликт, афиняне потерпели серьезное поражение в морской битве, происходившей в непосредственной близости от их города. Положение Афин оказалось еще страшнее, чем после сицилийской катастрофы. Но они вновь продемонстрировали былую отвагу и гибкость. Крепко утвердилось правление 5000, т. е. правление гоплитов. И, впервые в течение жизни самого Фукидида, у афинян установился хороший режим: правильная смесь олигархии и демократии. Одновременно с этой спасительной революцией формально был возвращен Алкивиад¹⁰⁶, а вместе с ним вернулась и надежда на спасение

¹⁰² Там же. VIII, 18, 37, 58.

¹⁰³ Там же. VIII, 70, 1.

¹⁰⁴ Там же. VIII, 75, 2.

¹⁰⁵ Там же. VIII, 81, 2–3.

¹⁰⁶ Там же. VIII, 96–97.

Афин. Эта надежда пошла прахом так же, как и остальные надежды, высказанные Фукидидом, но не из-за Алкивиада. Как именно она пошла прахом, рассказывает Ксенофонт в своей «Греческой истории». Кажется, существует не отраженная Фукидидом напрямую связь между первым хорошим афинским режимом, существовавшим при жизни Фукидида, и неоспоримым доминированием Алкивиада.

Литература

Gomme A. A historical commentary on Thucydides in 4 Vol. Vol. 1. Oxford, Oxford University Press, 1945. 492 p.

Thucydides. History of the Peloponnesian War in 4 Vol. Vol 1. London, Harvard University Press, 1956. 461 p.

Thucydides. History of the Peloponnesian War in 4 Vol. Vol 2. London, Harvard University Press, 1958. 445 p.

Thucydides. History of the Peloponnesian War in 4 Vol. Vol 3. London, Harvard University Press, 1959. 375 p.

Thucydides. History of the Peloponnesian War in 4 Vol. Vol 4. London, Harvard University Press, 1958. 459 p.

References

Gomme A. A historical commentary on Thucydides in 4 Vol. Vol. 1. Oxford, Oxford University Press, 1945. 492 p.

Thucydides. History of the Peloponnesian War in 4 Vol. Vol 1. London, Harvard University Press, 1956. 461 p.

Thucydides. History of the Peloponnesian War in 4 Vol. Vol 2. London, Harvard University Press, 1958. 445 p.

Thucydides. History of the Peloponnesian War in 4 Vol. Vol 3. London, Harvard University Press, 1959. 375 p.

Thucydides. History of the Peloponnesian War in 4 Vol. Vol 4. London, Harvard University Press, 1958. 459 p.

Preliminary Observations on the Gods in Thucydides' Work

Strauss L.

Translation from English – Mishurin A.N., Institute of philosophy RAS

Abstract: By this article an American political philosopher Leo Strauss is trying to enrich his analysis of Thucydides' History, which he partly made in his book *The City and Man*. The article by itself is a peculiar answer to the questions on the theological aspect of Thucydides' philosophy which Strauss received during his classes, in particular from Timothy Burns. In order to reveal it Strauss analyses crucial speeches made by Thucydides' characters and mentions of the gods and sacred things that are appearing in those speeches as well as in the text of the *History*. The key thought of the article is reflected not through the speeches in which the gods and sacred things are mentioned, but through the speeches in which they are not mentioned at all. The most important things here are the selection of speeches, Strauss' allusions on why do some heroes of the *History*, including Thucydides himself refer to the gods altogether, and the comparison of the two theologies: the theology, articulated by the Athenian ambassadors during the Melian dialogue and the theology of Nikias. Strauss says that Thucydides' theology is based somewhere between these two opposites.

Keywords: Leo Strauss, Thucydides, history, theology, political philosophy, gods, sacred.